

БУДУЩЕЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ¹

Якобсон Лев Ильич,
первый проректор Государственного университета —
Высшей школы экономики, научный руководитель
Центра исследований гражданского общества
и некоммерческого сектора ГУ — ВШЭ,
доктор экономических наук, профессор
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

«Объективизм» и «активизм»

В последние годы за рубежом появляется все больше прогнозов эволюции гражданского общества. Речь идет не о догадках или пожеланиях, в которых никогда не было недостатка, а о работах, обоснованно претендующих на научность². Попытки строить такого рода прогнозы стали предприниматься и в России³. Каждая из упомянутых работ заслуживает специального анализа, каждая имеет свои преимущества и недостатки, обсудить которые в рамках данной статьи не представляется возможным. Задача статьи в другом, в том, чтобы обозначить взаимосвязь и подвижный баланс между наблюдаемым, ожидаемым и целенаправленно формируемым.

В научной литературе о гражданском обществе отчетливо видны два полюса: подчеркнуто «объективистская» скрупулезная фактология, высококачественный образец которой дают, например, работы, подготовленные в Университете Джонса Хопкинса⁴, и нескрываемо пристрастные тексты, в которых исследование предстает в единстве с общественной активностью. Работы о российском гражданском обществе чаще тяготеют ко второму полюсу, будто следуя призыву связать исследование «с критикой политики, а стало быть... отождествить с *действительной* борьбой»⁵. Само по себе это

отнюдь не исключает корректности и научной ценности исследования, о чем свидетельствует, например, недавно вышедшая книга Института «Коллективное Действие»⁶. Различие между подходами особенно заметно, если речь идет о восприятии будущего.

«Объективистов» будущее, казалось бы, мало интересует, они предпочитают писать о том, что твердо установлено и проверено, а это по определению относится даже не к настоящему, а к прошлому, пусть и недавнему. Для «активистов» же, напротив, состоявшиеся реалии (или отдельные их аспекты) выступают, как правило, материалом для поиска оснований и ресурсов движения к лучшему будущему. Огромная часть литературы о гражданском обществе воплощает то, что К. Манхейм называл утопическим сознанием, а именно «трансцендентную по отношению к действительности ориентацию, которая, переходя в действие, взрывает существующий в данный момент порядок вещей»⁷. Разумеется, это относится не только к недавним отечественным публикациям. В богатой истории рассматриваемого понятия и в дискуссиях, разворачивающихся вокруг него ныне⁸, можно найти аргументы, в том числе в пользу трактовки Б.Г. Капустина: «...гражданское общество — это и есть

¹ Статья подготовлена на основе результатов, полученных Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ — ВШЭ в рамках научно-исследовательской работы по программе фундаментальных исследований ГУ — ВШЭ.

² Например, Inquiry into the Future of Civil Society in the UK and Ireland. The Shape of Civil Society to Come... Scenarios for Civil Society. Summary / Published by the Carnegie UK Trust. L., October 2007. URL: <http://democracy.carnegieuktrust.org.uk>; ICT Foresight: Charitable Giving and Fundraising in a Digital World. URL: <http://www.ncvo-vol.org.uk/3sf/index.asp?id=2278>; Future Focus 4. How is Local Democracy Changing? URL: http://www.ncvo-vol.org.uk/3sf/index.asp?id=4912#Future_Focus_4; Brown L.D., Timmer V. Learning for the Future. Transnational Civil Society Actors as Contributors to Social Learning in Transnational Problem Domains // Hauser Center for Non Profit Organizations. 2005. Working Paper No. 28 (November). URL: http://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=253374

³ Якобсон Л.И. (рук.), Мерсиянова И.В., Соколов А.В., Шашнов С.А. и др. Методология прогнозирования развития гражданского общества в России. Отчет о выполнении НИР. № государственной регистрации 0120.0 807655. М.: Государственный университет — Высшая школа экономики, 2008; Задорин И.В. (рук.), Римский В.Л., Зайцев Д.Г. Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России. Итоговый аналитический отчет. М.: АНО «Социологическая мастерская Задорина (ЦИРКОН)», 2009. URL: <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/090530.pdf>; Мерсиянова И.В., Шашнов С.А. Дорожная карта развития гражданского общества в России. Презентация доклада на научном семинаре. 25.02.2008. URL: http://www.hse.ru/hse_preview/stack/org/hse/147937/civil/sem_25_02_09

⁴ Salamon L.M., Anheier H.K., List R., Toepler S., Sokolowski S.W. and Associates. Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit. Baltimore MD, USA: Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, 1999; Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector, Volume Two./ Salamon L.M., Sokolowski S.W. and Associates. — Bloomfield: Kumarian Press, 2004.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 379.

⁶ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Европа, 2010.

⁷ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 164.

⁸ Не пытаюсь дать хотя бы самый краткий очерк того и другого, сошлюсь, например, на: Chambers S. and Kymlicka W. (eds.) Alternative conceptions of civil society. Princeton University Press, 2002; Hall J.A. and Trentmann F. (eds.) Civil society: A reader in history, theory and global politics. Palgrave Macmillan, 2005.

те практические движения... те социальные движения, которые преследуют некие утопические цели, в которых формируется идея общего блага»⁹.

Последовательному «объективисту», казалось бы, следует, вовсе не заглядывая за горизонт наблюдаемого, твердо придерживаться позиции Дж. Шумпетера: «Любой прогноз — это ненаучное пророчество»¹⁰. Однако знания о настоящем в той степени, в какой они претендуют на научность, т.е. относятся не к одним лишь непосредственно воспринимаемым разрозненным фактам, а к взаимосвязям и закономерностям, явно или неявно позиционируются и в качестве знаний о будущем (причем, оценивая основательность претензий, приходится, в свою очередь, апеллировать к перспективе). В самом деле, рационально выстроенный прогноз есть, по сути, аргументированное суждение об устойчивости тенденций, которые наблюдаются (пусть в зародышевом состоянии) в настоящем и, как правило, коренятся в прошлом. Более того, опора на то, что уже доступно наблюдению, не составляет специфики рационального подхода; интуитивные предсказания тоже базируются на восприятии наличных тенденций. Особенности первого состоят в прозрачном и убедительном для научного сообщества обосновании методов, с помощью которых тенденции идентифицируются и оцениваются.

Содержанием суждения может быть сохранение, модификация или угасание тех или иных тенденций, их взаимовлияние или нарушение в силу внешних шоков, перенос на новую почву тенденций, наблюдавшихся в иных пространственных или временных координатах (например, повторение части пути, пройденного другой страной), и т.п. В любом случае, критически значим не столько переход от того, что принадлежит настоящему, к тому, что относится к будущему, сколько переход от непосредственного восприятия к осмыслению, анализу и моделированию. Переход этот не может совершиться без потерь, и, если речь идет о сложных социальных явлениях, моделирование дает картину, которой непременно предстоит подвергнуться коррекции последующим развитием науки. Однако это относится к природе научных исследований в целом, а не только к прогнозированию.

В чем же в таком случае состоит специфика «активистского» подхода? Первое, что привлекает внимание, — нескрывая критическое отношение к настоящему и представление о будущем как о предмете целенаправленного формирования. Если «объективист» склонен оценивать наблюдаемые тенденции в первую очередь с позиций их устойчивости, то «активист» — с позиций идеала. «Объективистское» видение будущего, как правило, консервативнее «активистского». В самом деле, первое строится на базе тенденций, признаваемых более или менее стабильными, второе — как отрицание доминирующих тенденций.

Однако и здесь все не просто. Активистская позиция в своих респектабельных проявлениях претендует на то, чтобы «лозунг борьбы» был выведен «строжайшим, объективнейшим исследованием действительности»¹¹. Для этого предпринимаются настоячивые поиски чего-то, на взгляд исследователя, потенциально более мощного, чем наличные доминанты, и при этом ведущего к чаемым переменам (классический пример — якобы устойчивая «тенденция нормы прибыли к понижению» у К. Маркса). «Объективисты», со своей стороны, вынуждены обосновывать выбор тех дефиниций, в соответствии с которыми отбирается и структурируется материал, и те количественные или хотя бы качественные перемены, на языке которых строится анализ и прогноз. На выборе же неизбежно сказываются, казалось бы, чуждые «объективизму» ценностные ориентиры, к которым не индифферентно даже естественно-научное знание¹².

Гражданское общество — едва ли не предельный случай, если можно так выразиться, ценностной насыщенности предмета исследования. По словам классика отечественной философской мысли, общая линия рассуждений о европейском гражданском обществе «кристаллизует евангельское христианство в секуляризованных социальных и гражданских институтах»¹³. Отсюда, во-первых, многообразие ракурсов, в которых представимо данное понятие, во-вторых, связанная с ним оппозиция повседневно осуществляемого и должного, которая безнадежно огрубляется при вынесении за скобки любой из сторон, в-третьих, ныне остро обсуждаемая за рубежом тема «вестернизаторского уклона» в трактовках гражданского общества, и наконец в-четвертых, неизбежно разное отношение к назначению и потенциалу его институтов в зависимости от того, насколько идея гражданского общества замещает, вытесняет и поглощает другие ориентиры, в том числе собственно религиозные. Разумеется, у всех позиций было и есть нечто общее. Это фокусировка на коллективной самоорганизации частной жизни ради неким образом понимаемого общего блага, и акцентировка ее отличий, с одной стороны, от организации на основе публичной власти (государства), а с другой — от координации, достигаемой за счет безличной «невидимой руки» рынка.

Несколько упрощая, можно сказать, что для «объективистов» значимой ценностью выступает самоорганизация частной, «бюргерской» жизни как таковая. Внимание к ней обычно сочетается с терпимым или даже позитивным отношением к тому факту, что общее благо понимается по-разному, иными словами, «гражданственность» выглядит совместимой с различными ценностными ориентациями и даже предполагает доброжелательное сосуществование их носителей¹⁴. «Активисту» же «бюргер»,

⁹ Капустин Б.Г. Гражданское общество — исчезающая реальность. URL: www.ccisru.org/.../kapustin.html

¹⁰ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 525.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Там же. С. 381. Ссылки на Маркса здесь не случайны. Дело не только в том, что марксизм — наиболее яркий и влиятельный образец «активистского подхода» к социальным исследованиям, но и в том, что характерный для него способ обращения с реалиями прочно усвоен едва ли не большинством ныне работающих российских обществоведов, в том числе склонных к выпадам в адрес марксизма.

¹² См., например: Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2007.

¹³ Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 234.

¹⁴ Напомню, что множественность трактовок гражданского общества отчасти корреспондирует с разнообразием коннотаций, относящихся к разным вариантам обозначения урбанизированного населения. Так, в русском языке слова «гражданин» и «мещанин» уже давно фиксируют отнюдь не различия в размерах и статусе города и местечка.

«обыватель», как правило, видится антиподом «гражданина», а частная жизнь интересна не в своих сложившихся формах, а преимущественно в потенции. Реализовать ее предполагается после решительного переустройства общества в соответствии с конкретным истолкованием общего блага, а это, в свою очередь, обычно связывается с предварительным переустройством государства. Соответственно «объективистский» подход, не претендуя на решительную секуляризацию идей альтруизма и сотрудничества, скорее проецирует их на общественную жизнь эпохи модерна и постмодерна. В то же время «активистский» подход секуляризирует не только и не столько эти идеи («да любите друг друга»), сколько эсхатологию, порыв к «новому небу и новой земле». Отсюда склонность к максимализму, при котором секуляризация оборачивается, по сути, своей противоположностью, а именно феноменом, удачно названным Д. Лалом светской мутацией Града Божьего¹⁵.

Подобным мутациям обычно соответствуют упования на так называемую политическую волю и фокусировка внимания на теме власти. Активистский проект зачастую государствоцентричен (хотя усиление роли государства может мыслиться как нечто временное), а потому явно либо неявно противостоит спонтанности и саморазвитию. Опыт показывает, что сторонники самых различных ценностей одинаково часто склонны к проектированию масштабного и решительного применения «политической воли» и видят основную проблему в отсутствии «правильно мыслящих» носителей власти. Впрочем, амбициозные активистские проекты, рождающиеся из неприятия действительности, играют полезную роль в политической жизни, позволяя зондировать общественную атмосферу, эксплицировать интересы и чаяния. Наиболее значимой и наиболее противоречивой эта роль оказывается в периоды, когда ранее сложившиеся институты исчерпывают свой потенциал, что отражается массовыми настроениями в духе «дальше так жить нельзя». Ранее возникшие активистские проекты предлагают варианты выхода из тупика, пусть, как правило, во многом иллюзорные. Без подобных проектов вряд ли возможны назревшие крупные общественные сдвиги, при том что результаты изменений, как правило, не совпадают с ожиданиями и зачастую разочаровывают. Напомнить об этом уместно, поскольку слова «гражданское общество» часто выступают в роли политического лозунга.

Роль «объективистских» прогнозов иная. В них акцентируются скорее границы возможного и высвечиваются области наиболее вероятного при наблюдаемых тенденциях и наличном объеме знаний. В пределе прогноз — это карта принципиально достижимых исходов с выделенными на ней областями, попадание в которые имеет наибольшие шансы. Методы научного прогнозирования суть приемы, нацеленные на то, чтобы исход исследовательского процесса с максимальной вероятностью оказался на том участке остающейся в целом неизвестной карты, который, в свою очередь, с наибольшей вероятностью совпадет с отображением русла реального процесса.

Прогнозировать — значит исключать большую часть того, что до анализа могло представляться потенциально достижимым. Делать это тем проще, чем менее широко поле возможностей и чем ниже вероятности достижения всех точек карты, кроме единственной. В некотором смысле объективистское прогнозирование есть проявление скепсиса в отношении будущего, тогда как активистское проектирование — проявление энтузиазма. В активистских проектах, в отличие от научных прогнозов, отсутствует ощущение неподконтрольности обстоятельств, остающихся вне поля зрения проектировщиков; авторы проекта позиционируют себя по отношению к общественным реалиям в качестве автономных, достаточно информированных и могущественных субъектов, оперирующих внешними для себя объектами, а не как части и порождения этих реалий.

Политическая программа или социальный проект

Сказанное может показаться декларацией сугубо «объективистского» подхода. Однако, как подчеркивалось выше, дистиллированный «объективизм» невозможен вообще, применительно к гражданскому обществу в особенности, а применительно к определению его перспектив — вдвойне. «Если человек высказывает в форме прогноза то, что он сам намерен совершить... — это не прогноз, а просто декларация воли... Однако нет такого высказывания о будущем... которое не явилось бы — или не могло бы явиться фактором соучастия...»¹⁶. Все дело в характере соучастия и тех общественных практик, соучастия в развитии и изменении которых придается решающее значение. Соответственно автор данной статьи обязан, расставшись с иллюзорной надеждой полностью остаться «над схваткой», отрефлексировать и зафиксировать собственные ориентиры. Это, во-первых, высокая оценка значимости свободной самоорганизации как таковой. Во-вторых, это уважение к самым различным представлениям об общем благе при условии, что они не ведут к агрессивному противостоянию иным представлениям. Первому и второму соответствует третье, а именно сдержанное отношение к политической стороне общественной жизни, иными словами, к борьбе за овладение государственной властью и к ее применению, поскольку в конечном счете речь идет о праве принуждать других делать то, чего они делать не намеревались. Разумеется, в политике, как в болезнях, есть немало неизлечимого и по-своему функционально необходимого; в политических институтах далеко не все равноценно, но отсутствует что-либо самоценное.

Между тем становление российского гражданского общества чаще всего рассматривалось в роли предпосылки, если не средства или источника энергии для изменений в характере государственной власти и ее действиях. Так, М. Ховард на вопрос «Почему мы должны изучать гражданское общество?» отвечает тезисом, относящимся не только к нему лично, но и к большинству занимавшихся данным предметом применительно к нашей стране: «...представление тех, кто пишет о гражданском обществе... состоит в том, что оно оказывает позитивное и благотворное

¹⁵ Лал Д. Непреднамеренные последствия: влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М. : ИРИСЭН, 2007. С. 121–134.

¹⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1994. С. 164–165.

влияние на политическую систему»¹⁷. Влияние не вызывает сомнений, как и обратное воздействие политической системы на гражданское общество. Не очевидно, однако, что такого рода влияние — главное, чем интересно гражданское общество. Состояние политологии вряд ли считалось бы благополучным, если бы в работах о политической системе говорилось в основном о ее воздействии на положение негосударственных некоммерческих организаций. С нашей точки зрения, преобладание политических акцентов в работах о гражданском обществе столь же парадоксально. Впрочем, подобная акцентировка свойственна в основном публикациям о постсоциалистических и, в меньшей степени, о развивающихся странах, тогда как для исследований западноевропейского и североамериканского гражданского общества характерен несопоставимо более широкий подход. В его рамках благотворительности, взаимопомощи, приходской жизни, клубной активности и т.п. отводится столь же достойное место, как политически окрашенной деятельности.

Значительно реже, чем работы, сфокусированные на политической роли развития гражданского общества, встречаются публикации, в которых подчеркиваются потенциальные экономические выгоды гражданской самоорганизации¹⁸. Между тем ее экономическая значимость, по-видимому, заслуживает столь же пристального внимания, как политическая. В то же время обсуждение перспектив влияния гражданского общества на политико-правовую и экономическую сферы не способно заменить прогнозирование его саморазвития. Исходя из сказанного ранее гражданское общество рассматривается здесь в качестве самостоятельной сферы общественной жизни. Не повторяя того, что более обстоятельно раскрыто в предшествующих работах Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ — ВШЭ¹⁹, ограничусь следующими тезисами.

Базовыми для гражданского общества выступают проявления альтруизма, солидарности и свободной самоорганизации. Сфера гражданского общества взаимодействует с экономической и политической сферами; более того, черты разных сфер нередко присутствуют в одних и тех же социальных феноменах в качестве их аспектов. Однако развитие каждой сферы имеет собственные основания. Экономическую и политическую сферы роднит в узком смысле утилитарный, преимущественно «потребительский» либо вынужденный характер взаимодействий «по горизонтали» (рыночные сделки) или «по вертикали» (власть, законное доминирование). В гражданском обществе люди свободно реализуют отношение к другим как личностям. Соответственно взаимодействие, с одной стороны, не диктуется жесткими предписаниями, а с другой — реализует альтруистические устремления

или потребность в общении, совместной деятельности, признании другими людьми и т.п.

В сфере распоряжения властью и борьбы за нее субъекты интересны друг другу прежде всего фактическими или потенциальными статусами, а в экономической сфере — теми благами, которые способны предложить к обмену либо произвести за вознаграждение. В сфере же гражданского общества взаимодействие мотивируется взаимодополняющими качествами личностей, совпадением их интересов, сходством жизненных обстоятельств или, как, например, в случае благотворительной деятельности, напротив, контрастом этих обстоятельств и возможностью взаимодополнения.

Поскольку речь идет об удовлетворении реально существующих потребностей, можно при желании также говорить об утилитарных мотивах. Вместе с тем понятно различие между отношениями, характерными для гражданского общества, и теми, которые строятся, чтобы избежать наказания, получить заработок, повысить свой статус в системе власти или преумножить состояние. Примечательно, что для работ о западном гражданском обществе, как правило, характерны отчетливые моральные акценты и дистанцирование как от политики, так и от прямолинейного экономического рационализма²⁰.

Отношения солидарности изначально присущи семье, отчасти роду и иным врожденным общностям. Однако принадлежность к ним не избирается свободно, и взаимоотношения членов таких общностей регулируются прежде всего традициями, предписаниями которых зачастую жестче, чем предписания государственной власти, находящие выражение в законодательстве или служебной субординации. Различия между такими общностями и теми, которые характерны для гражданского общества, адекватнее всего описываются в известной терминологии «выхода, голоса и лояльности»²¹. Гражданское общество в пределе предполагает, во-первых, широкий выбор общностей, к которым индивид мог бы свободно присоединяться (с согласия их членов), во-вторых, отсутствие труднопреодолимых препятствий для выхода из однажды выбранной общности, в-третьих, способность каждого участника общности реально влиять на нее посредством свободного выражения мнения, в-четвертых, возможность инициативно формировать новые общности. Это и означает, что гражданское общество есть общество свободной самоорганизации.

Указанные черты, разумеется, не свойственны традиционным обществам; гражданское общество — порождение модерна и в некотором смысле его ярчайшее проявление. Этим объясняется его глубинная связь с политической демократией. Процессы развития того и другого взаимно корреспондируют и поддерживают друг друга. Однако они не обязательно

¹⁷ Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект-пресс, 2009. С. 58.

¹⁸ Аузан А.А., Тамбовцев В.Л. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28–49; Тамбовцев В.Л. Государство как инициатор развития гражданского общества. Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 69–77.

¹⁹ См., в частности: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Яковсона. М.: ГУ — ВШЭ, 2008.

²⁰ См., например: Грин Д. Возвращение в гражданское общество: социальное обеспечение без участия государства. М.: Новое издательство, 2009.

²¹ Hirshman A.O. Exit, Voice, and Loyalty. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1970.

синхронны, связь между ними не имеет однозначного характера, и ни один из них не является всего лишь аспектом, фактором или следствием другого. Трудно объяснить и прогнозировать становление гражданского общества, приняв довольно распространенную позицию, которая сформулирована, в частности, М. Уолцером: «Только демократическое государство может породить гражданское общество, только демократическое общество может подкреплять собой демократическое государство»²². Если иметь в виду демократию как полиархию, она предполагает широкую низовую самоорганизацию граждан²³. Если же утверждение состоит в том, что для появления гражданского общества необходимо предварительное установление демократических процедур распределения и перераспределения власти внутри элиты, то жизнеспособность процедур также зависит от распространенности и действенности самоорганизации рядовых граждан. Когда она слишком слаба, чтобы существенно влиять на политические практики, процедуры без труда приватизируются наиболее энергичными группировками элиты, приобретая имитационный характер. Там, где политики «пасут народы», а не представляют от имени коалиций самоорганизующихся структур, где демократические принципы просматриваются скорее в избирательном законодательстве, а не в повседневной жизни многочисленных низовых ассоциаций, сторонники этих принципов оказываются подчас перед выбором: признать поражение своих базовых идей или действовать в очевидном противоречии с ними (достаточно вспомнить российские события 1993 и 1996 гг.).

Становление реальной демократии скорее следует за становлением гражданского общества, а не наоборот. «Демократия рождается там, где есть самоорганизация разного»²⁴. Вместе с тем в период, когда гражданское общество еще недостаточно зрело (что заведомо не позволяет рассчитывать на зрелость демократического устройства государства), многое зависит от того, как именно функционирует «демократия для привилегированного меньшинства». Если характеру элиты и балансу сил внутри нее адекватна устойчивая политическая конкуренция, ведущаяся в цивилизованных формах и регулируемая соблюдаемыми и относительно стабильными правовыми нормами, — это еще не обязательно зрелая демократия. Судить можно по тому, какие интересы улавливаются политической системой и реально влияют на курс властей. Однако цивилизованная конкуренция внутри элиты не позволяет создавать серьезные препятствия для низовой самоорганизации. Более того, самоорганизующиеся структуры привлекают внимание различных политических группировок, ищущих поддержки и взаимно уравновешивающих притязания на доминирование.

Со своей стороны, процесс становления гражданского общества создает все более прочную опору демократическим институтам. Если политическая атмосфера менее благоприятна, гражданская самоорганизация может, с одной стороны, наталкиваться на искусственные барьеры, деформироваться и коррумповаться властью, а с другой — возникать как реакция на злоупотребления и условие инициативного решения проблем, которыми власть в должной мере не занимается.

Политическую демократию и гражданское общество роднит плюрализм в противоположность монополизации пространства общественной активности, независимо от того, во имя каких ценностей претендуют на монополию²⁵. Например, духу гражданского общества равно не соответствует как принудительное насаждение норм шариата, так и псевдолиберальное высокомерие по отношению к исламу, выраженное в известной книге Э. Геллнера²⁶. Гражданское общество характеризуется свободной самоорганизацией за пределами традиционных сообществ, но эта самоорганизация нередко строится в том числе вокруг традиционных ценностей. Глубокая вовлеченность в социальную активность землячества или прихода, когда она не навязана окружением и обстоятельствами, а возникает в результате личного альтруистически мотивированного выбора, — не менее реальное проявление причастности гражданскому обществу, чем, например, правозащитная деятельность. Примечательной тенденцией последнего десятилетия стало напряженное отношение исследователей к характерной для 1990-х годов (особенно их первой половины) склонности отождествлять развитие гражданского общества с вестернизацией²⁷.

Итак, изучая и прогнозируя развитие гражданского общества, необходимо уделять пристальное внимание политической среде, в которой протекает данный процесс, точно так же как среде правовой, экономической и культурной. Важно, однако, не переоценивать роль политического компонента общественной среды в сравнении с другими ее компонентами и не потерять фокусировку на самом процессе. Здоровое развитие гражданского общества по природе своей спонтанно и органично, а потому с высокой вероятностью деформируется при попытках властно направить его в некое «надлежащее» русло. Соответственно определение перспективы не должно строиться как политическая программа, особенно программа кардинального «исправления» общества и человека политическими средствами. Полезным ориентиром служит принцип, сформулированный К. Поппером: «...следует планировать меры для борьбы против конкретного зла, а не для установления некоторого

²² Цит. по: Ховард М. М. Указ. соч. С. 54.

²³ Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. С. 383. Ключевое значение имеет, в частности, тезис о расщеплении власти, влияния, авторитета и контроля между различными индивидами, группами, ассоциациями и организациями.

²⁴ Аузан А.А. Три лекции о гражданском обществе. М.: Полит. Ру, ОГИ, 2006. С. 215.

²⁵ The global resurgence of democracy. Ed. By L. Diamond and M. F. Plattner. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1996. P. 229–230.

²⁶ Геллнер Э. Условие свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. Характерен миссионерский тон книги, в которой слова «гражданское общество» чаще всего соседствуют со словами «лозунг», «идеал» и т.п. Несопоставимо более корректную трактовку темы «ислам и гражданское общество» см.: Kaldor M. et al. (eds.) Global civil society: 2006/7. London: Sage, 2007. P. 18–41.

²⁷ См., например: Munck R. Global civil society: royal road or slippery path? Voluntas, 2006. V. 17, 4.

идеального добра»²⁸. Применительно к политическому компоненту среды, в которой развивается гражданское общество, это предполагает усилия по снятию конкретных барьеров, препятствующих самоорганизации граждан и по созданию для нее позитивных политических условий. В целом же перспективу развития гражданского общества некорректно определять на языке политики.

Исходным пунктом определения перспективы может и должна выступать оценка имеющегося потенциала альтруистической самоорганизации. Это, разумеется, самостоятельная исследовательская задача, допускающая разные варианты решения²⁹. Далее, анализу подвергаются экономические, политические, правовые и культурные условия реализации потенциала, что позволяет, во-первых, объяснить фактическое положение вещей (меру реализации потенциала и конкретные структурные характеристики гражданского общества) и, во-вторых, адекватно подойти к проектированию будущего. Оно принципиально требует сценарного подхода, поскольку невозможно содержательно рассмотреть все мыслимые будущие сочетания факторов, которые, с одной стороны, формируют потенциал самоорганизации, а с другой — влияют на его реализацию³⁰.

Ключевое значение в данном случае имеют концептуальные представления об общей линии развития гражданского общества в рассматриваемых обстоятельствах.

В результате появляется спектр обозримых сценариев, в каждом из которых присутствуют факторы, потенциально контролируемые субъектами гражданского общества, и те, которые находятся вне их зоны контроля.

Следующий шаг — уже не прогнозирование, а собственно формирование проекта. На нем осуществляется выбор наиболее желательных сценариев, и тут вполне уместен «активизм». В некоторой степени он вольно или невольно сказывается и при выработке сценариев, поскольку трудно себе представить исследователя гражданского общества, способного к абсолютно беспристрастному прогнозированию его развития. Однако чем менее выражена грань между прогнозом и проектом, тем менее состоятелен и тот и другой. Но и на этапе проектирования важна разумная мера «активизма». Он максимально оправдан, когда речь идет о длительной перспективе и о качестве и усилиях самих субъектов самоорганизации, в частности об их информированности, организованности, сплоченности, умении действовать квалифицированно, настойчиво и ответственно. В то же время целесообразна сдержанность в упованиях на скорые и щедрые подарки со стороны «политической воли» или на иные скачкообразные изменения среды, в которой развивается гражданское общество. Спроецировать изложенные принципы на сегодняшние российские реалии предстоит в следующей статье.

²⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. Том II. М.: Культурная инициатива, 1992. С. 153.

²⁹ Убедительным представляется подход к ее решению, представленный в работе: Мерсиянова И.В. Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 35–45.

³⁰ См., например: Lindgren M. and H. Bandhold. Scenario planning: the link between future and strategy. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2003.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ КАК ПРИНЦИПА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВА

Честнов Илья Львович,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского юридического института (факультета)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
191104, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44

Гражданское общество, выступающее идейным метаоснованием права в эпоху новейшего времени применительно к государствам с индустриальной экономикой, отличается прежде всего тем, что в нем, как считается, социально (и политически) активная общественность (Oeffentlichkeit, по терминологии Ю. Хабермаса) сама формулирует социально-политический проект своего настоящего и будущего, облакаемый в том числе в правовую форму. Другими словами, в гражданском обществе стратегию социального развития, обеспечивающую воспроизводство социума, должно определять не госу-

дарство и не властная элита, а самоорганизованное общество.

Очевидно, что предпосылкой этой деятельности по самовоспроизводству социума является высокий уровень согласия, доверия как к существующим социальным (в том числе политико-правовым) институтам, так и к каждому члену гражданского общества. Это связано с усложнением социальной структуры, проявляющимся в резком увеличении социальных ролей, ростом ролевой дистанцированности и снижением соразмерности между ролью и актором¹. При этом значительно снижается предсказуемость поведения

¹ См. подробнее: Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.